Автор: admin
05.10.2010 21:16 - Обновлено 05.10.2010 21:25

Штирлиц - Есенин (Стратиевская) - Часть 10

21. Конфликт Есенин - Штирлиц. Ложная суггестия по этике отношений (канал 8 - 5). Тактическое подчинение, взаимная ревизия равновесных отношений

Постоянно упрекая Штирлица, обвиняя его в каких - то реальных и мнимых злоумышлениях, навязывая ему эти обвинения как факт, изматывая его скандалами и истериками, творчески воздействуя манипулятивным своим аспектом этики эмоций (+ч.э.2), на его нормативный (+ч.э.3), Есенин

- заставляет Штирлица признать все эти вздорные обвинения (просто не успокоится, пока не заставит его это сделать);
- заставляет Штирлица идти на всё большие уступки;
- втягивает Штирлица в свою игру, подчиняет своей воле, своему контролю, устанавливает и укрепляет свою власть над ним;
- упрёками и обвинениями воздействует на его суггестию и занижает его (Штирлица) самооценку по аспекту этики отношений (-б.э.5).
- подменяя аспект этики отношений логикой соотношений (как это принято в квадрах субъективистов), Есенин угнетает Штирлица по аспекту этики отношений и логики соотношений одновременно и вытесняет его "такого плохого" на подчинённые позиции, удерживает его там, притесняя и терроризируя его по поводу и без повода, обращается с ним как с провинившимся рабом": то обижаясь, то гневаясь за какие - то новые "проступки".

Чем Штирлиц так восстанавливает против себя Есенина?

Да прежде всего тем, что работает день - деньской без отдыха и срока, пашет как раб на плантациях, хватается за любую работу и на работе, и дома. В бета - квадре это не престижно: работа там "дураков любит". Ну. а коль скоро человек сам производит себя в рабы, с ним и обращаются как с рабом, как с рабочей силой. Опять же, Большого и сильного Штирлица Есенин побаивается. И чем больше боится, тем больше угнетает, боясь его выпустить из подчинения (срабатывает биологическая закономерность: где страх, там и агрессия). Опять же, и встречных обвинений Штирлица Есенин боится - понимает, что поступает несправедливо, но и отступать уже некуда. В борьбе за место в системе нельзя отступать, нельзя уступать доминирующие позиции другим - это опасно: ещё чего доброго воспользуются своей властью, чтобы свести счёты. И опять же, следуя всё той же закономерности, Есенин тем больше боится и притесняет Штирлица, чем больше несправедливости себе позволяет.

Удерживая Штирлица на подчинённых позициях и активизируясь по аспекту логики соотношений (-б.л.6), донимая постоянной завистью к деловым и физическим преимуществам Штирлица, изводя его вечным нытьём ("Да-а-а, тебе хорошо-о… у тебя это[2] … есть, а у меня ничего этого нет…"), Есенин заставляет Штирлица работать на себя, переигрывая его по всему инертному блоку. (А аспекты инертного и мобильного блока в моделях конфликтёров совпадают). Поэтому благодаря тактической уступчивости Штирлица, Есенину удаётся в течение длительного периода времени (опять же) тактически удерживать Штирлица на подчинённых позициях (переигрывает по аспекту интуиции времени). Вытягивая одну уступку за другой (сначала по мелочам, потом по - крупному) Есенин шаг за шагом переигрывает его по аспекту деловой логики (+ч.л.), заставляя его делать ту или иную работу, выполнять различные поручения, оказывать то одну, то другую услугу.

---

[2] Под "этим" подразумеваются силы, здоровье, энергия, работоспособность, деньги, связи, знакомства, возможности … и т.д. и т. п.

Оговаривая для себя особые привилегии, накапливая новые системные (иерархические) преимущества, всё более ужесточая диктат, Есенин ставит Штирлица в ещё более унизительное и бесправное положение, контролирует его действия и решения на каждом шагу заставляет Штирлица считаться с его (Есенина) мнением и решением. (Не позволяет Штирлицу принимать решения, не посоветовавшись с ним (с Есениным), устраивает скандал всякий раз: "Почему ты меня не спросил?! Почему со мной не посоветовался?!" Штирлицу (с его программным аспектом деловой логики, логики поступка и логики действий, с его приоритетом деловой инициативы) всё это особенно трудно терпеть. Взяв под контроль решения действия Штирлица, наращивая свой правовой и возможностный потенциал (завидуя тем преимуществам и ресурсам, которые у Штирлица ещё остались), Есенин переигрывает Штирлица по аспекту интуиции потенциальных возможностей, перехватывая какие - то шансы, или заставляя их уступить. Если Штирлиц не идёт на эти уступки (ЛСЭ, Штирлиц активизируется по аспекту интуиции возможностей (+ч.и.6), он дорожит теми шансами, которые ему выпадают и не может их упускать), Есенин опять начинает ныть: "Да-а-а, тебе хорошо-о, у тебя и то, и это есть…", а дальше начинаются упрёки: "Да-а-а, всё тебе, да тебе… Опять тебе… Ты только о себе думаешь!..".

На протяжении долгого времени, день за днём, шаг за шагом Есенин (тактически) проводит трудоёмкую и кропотливую работу, стараясь подчинить себе Штирлица.

Требуя всё новых и новых уступок, он опутывает Штирлица множеством новых претензий, изводит скандалами, обнадёживает обещаниями и словно ниточками паутины парализует его волю и сковывает инициативу. И в этом (худшем из вариантов) ИТО конфликта становятся похожими на отношения прямой ревизии (напоминают игру в одни ворота).

По счастью, ИТО конфликта являются РАВНОВЕСНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ (хотя и считаются таковыми условно)

В ИТО конфликта партнёры взаимно ревизуют друг друга. Каждый из них обладает сильным аспектными свойствами ревизора и подревизного своего конфликтёра, что позволяет каждому из конфликтёров "отыграться" по прямой и обратной ревизии. Так, например, Штирлиц обладает сильной деловой логикой (+ч.л.1) и манипулятивной, творческой сенсорикой ощущений (-б.с.2), родственными с программным аспектом ЛИЭ, Джека (-ч.л.1) и творческим аспектом ЭСЭ, Гюго (+б.с.2) - ревизора и подревизного Есенина. который в свою очередь обладает сильной интуицией времени (-б.и.1) и мощной, манипулятивной, творческой этикой эмоций (+ч.э.2) - родственными с программным аспектом ревизора Штирлица Бальзака (+б.и.1) и с творческим аспектом подревизного Штирлица - Дюма. И это значит, что некое подобие прямой и обратной ревизии они друг другу в ИТО конфликта выдают. Каждый из них затрачивает много сил на угнетение партнёра посредством ревизии. Для некоторых уступчивых конфликтёров это вообще непосильный труд: не хочется унижать себя скандалами, склоками, дрязгами - нет сил для этого. Поэтому некоторые преимущества захватывают субъективисты. Но и они не всесильны: масса энергии уходит на скандалы. Стоит только Есенину ослабить свою ревизию по аспекту логики соотношений (-б.л.6), как только он перестаёт ныть: "Да-а-а, у тебя больше, у меня меньше…", как только ослабляет хватку по аспекту интуиции времени, Штирлиц высвобождаетс;я из его интуитивного плена и начинает ревизовать Есенина по доминирующим в его (четвёртой) квадре аспектам деловой логики и партнёрской этике отношений. Есенин опять подменяет этику отношений логикой систем и через эту подмену (посредством манипулятивного и сильного своего аспекта этики эмоций), через скандал закрепляет своё право на эту подмену, после чего уже Штирлиц сам выполняет всю работу по дому и за него, и за себя.

22. Есенин. Обременительные поручения и договорённости

Для Есенина как для субъективиста - иррационала любая договорённость довольно быстро становится обременительной. В рамках такой неудобной для него системы отношений он чувствует себя обречённым, подавленным - "заболевает" от этих отношений, чувствует себя так, словно подрядился каждый день воду на себе возить, испытывает ломоту во всём теле при одной мысли об этом и от этой ломоты страдает). Изображает страдания, которые испытывает при одной мысли о том, что его сейчас заставят работать и требует от партнёра к своему страданию сочувствия. Для того, чтобы сделать партнёра более чутким, к переживаемым им страданиям, он (Есенин) старается часть неприятных сенсорных ощущений внушить или передать партнёру. (В расчёте на наблюдательную сенсорику ощущений Жукова). В партнёрстве со Штирлицем он тоже добивается некоторых результатов. Штирлицу бывает невыносимо трудно смотреть, как Есенин отлынивает от работы, притворяясь нетрудоспособным: извивается, лёжа на диване, вытягивается в судорогах, подёргивает руками, подрыгивает ногами, вытягивает шею, мотает головой, ноет, хнычет, придумывает какие - то отговорки и оправдания всякий раз, когда его пытаются привлечь к какой - то важной и нужной, необходимой для дома и семьи работе. При всех его жесточайших

принципах, Штирлицу (и не ему одному) проще самому сделать всё необходимое, чем каждый раз упрашивать или заставлять работать Есенина. Зато потом и конфликт переходит в односторонний террор и ревизию: накапливается огромное количество претензий, с которыми Штирлиц уже не желает мириться, у него возникает вопрос: а зачем нужен такой партнёр?

Ольга Витальевна, 45 лет, Штирлиц.

"…Вот скажите, зачем он мне нужен, такой муж? Заработков он в дом не приносит. Под любыми предлогами их утаивает. Живёт на всём готовом, и хоть бы совесть в нём пробудилась! Считает, что так и надо… По дому сделать что - нибудь… ну, там… мебель передвинуть, лампочку ввинтить - не допросишься! Гвоздя вбить и то не может. Даёшь ему ровный гвоздь, через минуту он тебе приносит кривой, на пальцы дует, руками разводит…молоток роняет мне прямо на ноги. Лучше и не просить. Пыталась договориться с ним, чтобы хоть какую - то работу он взял на себя. Ответ один: "Ты жена, ты и делай". Как собеседник он мне тоже не интересен… Глупый он. Его лицо принимает осмысленное выражение, только когда он занимается сексом, но и эти времена уже прошли. Что мне с ним делать? Песни его соловьиные слушать?.. Про то, как он любит, как умеет любить… Так я лучше телевизор посмотрю. Там в сериалах больше правды, чем в его словах... Перлами своей души он кичится! Какую - то студентку в ресторан пригласил, угостил чашкой кофе с мороженным и мне рассказывает, какой он добрый и чистый человек, как ему приятно делать добрые дела. А по мне все эти слова - фальшивка! Хотя бы меня постыдился! В дом ни копейки не приносит, а кого - то угощает за мой счёт! В общем, я с ним разобралась после этого. Собрала его чемоданы и выставила за дверь. Он мне говорит: "Знаешь, в чём твоя проблема? Ты не умеешь любить…" Ну и хорошо! Пусть идёт к той, которая его умеет любить. Это я - то не умею любить?!.. Да если бы я его не любила, я бы не терпела его столько лет! Любовь надо делом доказывать, а не словами! Не знаю я, кому он нужен такой … И не хочу думать об этом. Уже полгода мы живём врозь. Он мне иногда звонит, спрашивает: "Помнишь, как хорошо нам с тобой было?.." А я говорю: "Не помню и вспоминать не хочу!.." Не хватало ещё, чтобы эти времена вернулись… Счастье, что у нас с ним нет общих детей!.. "

23.Есенин - Штирлиц. Конфликт приоритетов

Как субъективист ИЭИ, Есенин считает, что оказывает неоценимую услугу партнёру, привнося свои духовные ценности в супружеский альянс. То, что партнёр их недооценивает это уже его (партнёра) проблема, вина и беда: имеющий очи, увидит и небо в алмазах в пасмурный день, имеющий уши услышит и соловьиные трели в зимнюю ночь, а слепому и глухому - что дать? Ничего другого и не остаётся, как корить за собственную "слепоту", "глухоту" и "бесчувственность", осуждать за неспособность воспринимать прекрасное.

В партнёрстве со Штирлицем, следуя этой позиции, Есенин попадает в неловкое положение, практически нападает на своего ревизора: у Штирлица с сенсорикой ощущений всё обстоит прекрасно! Лучше некуда! (Шутка ли - творческая функция). И

этика эмоций в нормативе (+ч.э.). Соловья баснями не кормят! И эту мысль Штирлиц пытается ему внушить. А Есенин со своей стороны пытается удерживать игру на своём поле: завышает цену своим духовным ценностям, претендуя на доминирующее место в системе. А для этого, ему, как минимум, необходимо отбиться от тех поручений, которые пытается навязать ему Штирлиц, рассматривающий семью, как команду, рабочую группу, где каждый выполняет свою работу и отвечает за порученное ему дело. Есенин из этой системы отношений выпадает сразу же. От обременительных поручений и договорённостей он отстраняется: достаточно двух - трёх скандалов на тему "Ах, так я тебе только для этого нужен!", чтобы Штирлиц уже не пытался с ним заранее договариваться и возлагать на него какую - либо ответственность и обязательства.

Во всём, что касается спонтанного распределения обязанностей, Есенин себя врасплох застать никому не позволит. Как иррационал и программный интуит он заранее предвидит и предчувствует эти поручения, поэтому в нужный момент (например, когда после обеда нужно пойти и помыть посуду) оказывается в нужном месте: в гостиной на диване, с гитарой в руках. Поднять его с этих подушек и направить на кухню - задача не из лёгких даже для Штирлица. Есенин останавливает его в дверях, вытягивая вперёд ладошку:

— Вот погоди, я тебе сейчас сыграю, послушай!.. — говорит он и, закатывая глаза и изображая на лице восторг, начинает наигрывать что - то романтическое (прочувствовано, с сильной вибрацией, символизирующей волнение и трепет его души).
— Нравится?
— Иди, мой посуду! — настаивает партнёрша. — Поел? Убери за собой!..
— Погоди, а как тебе вот такая мелодия?.. — и начинает заводить что - нибудь подлиннее. — Правда, красиво?..
— Иди, мой посуду!.. — настаивает партнёрша
— Подожди, а если вот так сыграть?.. А?.. Как ты думаешь?.. Так лучше?.. Или -вот так, а?.. Ну, скажи!
— Иди, мой посуду!..
— Фу, какая же ты бесчувственная! - презрительно упрекает её Есенин. — Я с тобой советуюсь, обращаюсь к тебе, как к человеку, а ты…
— И я обращаюсь к тебе, как к человеку: иди, мой посуду!..

Видя, что партнёршу не удаётся втянуть в игру по интуиции времени, Есенин пробует другую: устраивает маленький скандальчик по творческому аспекту этики эмоций (+ч.э.2). Встаёт нахохлившись (чтобы казаться выше), раздражённо откидывает гитару (выражая своё настроение), весь подаётся вперёд, изображая из себя "драчливого петушка", и начинает:

— Ах, так вот, зачем я тебе нужен! Посуду мыть, да?! Так вот, зачем ты меня позвала! Сказала: "Приходи, живи у меня…" Тебе нужно было, чтобы я на тебя ишачил?! — максимализирует он по спекулятивной своей этике эмоций, — Тебе нужно, чтобы я на тебя пахал, да?.. Говори, я тебе для этого нужен был?!..

— Мне нужно, чтобы ты сейчас пошёл на кухню, убрал за собой и помыл посуду. - говорит демонстративно волевой (+ч.с.8), принципиальный и планомерно — последовательный Штирлиц.

Мстительно поглядывая на него, Есенин идёт на кухню. Он вдруг становится кротким: "Ладно, отдыхай, я всё сделаю…"

А дальше начинается "игра в неожиданности": предметы домашнего обихода начинают "воевать" с Есениным, "протестуя" против его пребывания на кухне. Тарелки сами собой выскальзывают из его рук, стаканы "выпрыгивают", падают на пол и разбиваются. С кастрюль и банок слетают крышки, когда он их переносит, а содержимое расплёскивается на пол, когда он пытается эти крышки поднять. По разлитому борщу, маслу и киселю Есенин поскальзывается и падает, пытаясь на лету удержаться за скатерть, за занавеску, за прибитую к стене полочку, и увлекая за собой ещё многие другие предметы (горшки с цветами, банки с крупами которые тут же и рассыпаются…). Сидя в соседней комнате, Штирлиц то и дело слышит шум, грохот и возгласы: "Ой, упало!.. Ой, разбилось!.. Ой, рассыпалось!..".

Штирлиц миллион раз пожалеет о том, что поручил Есенину какую - то работу на кухне (уж, лучше бы не снимал его с дивана, не отбирал гитару, - всё бы меньше убытку было).

Способностью выполнять работу так, чтобы ему её никогда больше не поручали, Есенин владеет в совершенстве. Умения и изобретательности ему с избытком хватает на то, чтобы отбить охоту ко всякого рода обременительным поручениям даже у самого строгого руководителя: сделай что - нибудь пару раз с точностью до наоборот, и охота поручать что - либо у него на веки вечные пропадёт. На Штирлица, с его программной деловой логикой, логикой действий (+ч.л.1), при его принципиальном убеждении в том, что любую работу надо выполнять не просто хорошо, а великолепно - намного лучше, чем это можно себе вообразить (лучше, чем это сделал бы кто - нибудь другой), - позиция Есенина: "сделай работу так плохо, что хуже этого себе и представить нельзя!", производит шокирующее впечатление.

Почему Есенин боится обременительных поручений?

Прежде всего, как эмоциональный интуит - иррационал он боится обременительных договорённостей, которые станут для него обременительной системой отношений, после чего и сами отношения для него утратят своё очарование, привлекательность и романтическую лёгкость: станут трудными, обременительными, тяжёлыми; в них уже не будет места для поэзии, иллюзии, мечты. Для Есенина они потеряют смысл, потеряют свои краски, не будут будоражить его воображение, не будут пробуждать фантазию, надежду на будущее счастье, в них не будет места ярким впечатлениям, которые вдохновили бы его на творчество и которые хотелось бы запомнить и пронести с собой через всю жизнь, из настоящего в будущее.

А кроме того, Есенин как авторитарный субъективист любое трудовое соглашение рассматривает в ракурсе отношений соподчинения: кто поручает работу, тот её и

контролирует. А где контроль, там и власть. А где власть, там и террор, и угрозы, и наказания, и эксплуатация.

И наоборот: кто выполняет работу (расходуя своё время, ресурсы, силу, энергию), тот подчиняется и отчитывается. А при необходимости, и переделывает работу заново, подчиняясь требованиям злоупотребляющего его уступчивостью работодателя.

В арсенале Есенина находится множество способов избежать нежелательного для него развития событий и уклониться от задаваемых поручений, сбивая с рабочего настроения самого работодателя - не в меру активного и деятельного партнёра (дуала или конфликтёра - в данном случае значения не имеет).

Если партнёра (партнёршу) не удаётся сразу его отвлечь ("заморочить" по аспектам интуиции времени и этики эмоций), если не удаётся настроить на лирический лад, увлечь романтическими планами, переключить на романтическое настроение, Есенин найдёт другой способ сбить партнёра с делового настроя и поумерить его энергию. Он просто заставит его забыть о времени. В домашних условиях это делается очень просто (особенно, после того, как партнёрша рассталась с мыслью задействовать Есенина для работы на кухне) - Есенин играет на гитаре, партнёрша слушает, груда грязной посуды на кухне растёт. Видя, что контроль над ситуацией переходит в его руки, Есенин начинает спонтанно перестраивать режим дня, который, по его мнению, при желанию может быть целиком и полностью посвящён приятному времяпрепровождению. Делается это тоже всё очень просто: поиграв и помузицировав какое - то время, он (например) спохватывается: вспоминает, что пришло время досматривать сериал и убеждает партнёршу составить ему компанию. Потом, во время рекламы, ему приходит охота скушать что - нибудь вкусненькое, он идёт на кухню, открывает дверцу холодильника, зависает над ней вопросительным знаком, вытягивает из судков двумя пальчиками разную снедь и поглощает её на ходу. Или сам отсылает партнёршу на кухню и заставляет её приготовить ему что - нибудь вкусненькое. Не дождавшись, когда ему приготовят, снова прибегает на кухню. Принюхиваясь к запахам, заглядывает под крышки кастрюлек и спрашивает: "Это мы сейчас будем есть?". Просит принести ему еду к телевизору (он всё равно её туда принесёт), а потом будет ещё несколько раз прибегать на кухню за добавкой. Другим он так поступать не разрешает. Особенно, если живёт в неполной, чужой семье (например, в семье матери - одиночки с ребёнком). Здесь он ещё более ожесточённо борется за доминирующее место в системе: все привилегии "хозяина - барина" он оставляет себе. Если партнёрша позволяет себе кого - то другого так опекать и обхаживать (детей или родителей, например), ИЭИ, Есенин тут же начинает её ревновать, а против них (или против кого - то одного, самого слабого и уязвимого) начинает интриговать: подглядывает за ним, подслушивает, придирается, приходит к ней жаловаться на него, а в её отсутствие и запугивает его и терроризирует. Существует закономерность: самые жестокие споры (и самый жестокий террор) разворачиваются вокруг борьбы за истощающиеся ресурсы. В семье это борьба за материальные ресурсы и продукты питания (которые в любой закрытой системе всегда дефицитны). Есенин этот нарастающий дефицит материальных средств ощущает тем острее, чем меньше материальных ценностей привносит в семью. Начинает ратовать за экономию дефицитных ресурсов, борется с

перерасходом материальных средств в семье, начинает преследовать других, состоящих на иждивении членов семьи, стараясь лишить их доверия и расположения "главы семьи", предполагая и в дальнейшем оставаться единственным любимчиком в доме. Например, подмечает (и тут же жалуется партнёрше), что кто - то из её родственником забыл выключить за собой свет, или слишком громко включал музыку в её отсутствие, мешая ему отдыхать. Жалуется, что кто - то из них часто хлопает дверцей холодильника: то и дело что - нибудь ест, а потом смотришь, - продукты прямо исчезают на глазах: было три яблока, осталось одно! Ребёнок и бабушка съели по одному, а ему с партнёршей досталось одно напополам, - это несправедливо: она целый день работает, на всю семью пашет, а ей даже яблока целого не оставили!

О том, как поделить три яблока на четверых человек, он размышлять не собирается, проще устроить скандал! Заодно найдёт и другие поводы для упрёков: припомнит, что кто - то пользовался в его отсутствие его вещами - играл на его гитаре и расстроил её, или катался на его вело - тренажёре, который он купил для себя (со скромной своей студенческой зарплаты) специально, чтобы похудеть. (Понятно, что не бабушка играла в его отсутствие на гитаре.)

Детям в такой семье приходится тяжелее всего. Поначалу Есенин внедряется в семью (как в систему) именно с их помощью. Заигрывает с ними, располагает к себе, едва успев познакомиться с их матерью. Удерживается в семье (как в системе) тоже с их помощью: чуть только партнёрша начинает подозревать его в нечестных намерениях и пытается выпроводить за дверь, как этот будущий "подопечный", будущий "хозяин-барин" Есенин, начинает устраивать скандал на глазах у ребёнка. Доводит его до слёз, заставляя его (истосковавшегося по отцовской ласке) сначала просить: "Гриша, не уходи, не покидай нас!", а потом подступать к матери с обвинениями: "Ты отца выставила, хочешь и его выгнать?!". Видя, что мать колеблется, ребёнок начинает упрашивать будущего своего (злополучного) отчима: "Гриша не уходи, оставайся, живи с нами!". Потом опять обращается к матери: "Мама, зачем ты Гришу прогоняешь? Я уже его так полюбил!".

Будущий член семейства тут же и пользуется моментом - разыгрывает сентиментальную сцену, спекулируя на привязанности ребёнка: "Я тебя тоже полюбил, маленький. Я никуда от тебя не уйду, не бойся…" Об этой сцене и этой своей просьбе "маленький" ребёнок потом сто раз пожалеет, прежде чем подрастёт: будущий "хозяин - барин" будет держать его в строгости: каждое яблочко, пирожок и конфетку просчитает и ему припомнит. Всё проследит, всё запомнит и его матери в самых резких тонах перескажет. И это при том, что сам в дом ничего не принесёт: просто потому, что слишком привык потреблять. Сказывается инерция состояния: тот, кто привык получать, сам неохотно переключается "на отдачу". А конкурентов в вопросах потребления Есенин (как предусмотрительный накопитель и борец за доминирующее место в системе) в подвластной ему иерархии не потерпит. Будет терроризировать тех, кто оспаривает у него его права, льготы и привилегии (каковы бы они ни были!).

Как субъективист, следуя своему субъективному мнению, он поднимет значимость своих прав до небес. Будет кричать: "Я тоже многое делаю для нас! Вспомни: ведь ты

это … и это … от меня получила!" Когда же ему предлагают уйти по - хорошему, освободить помещение, забрав "это" и "то", когда его уже никто не удерживает, никто не настаивает на том, чтобы он остался, Есенин, ориентируясь в первую очередь на свой программный аспект интуиции времени, будет действовать осмотрительно, осторожно, взвешивая каждый шаг и каждое своё слово. Если ему есть, куда уходить или если он чувствует (предчувствует, ощущает), что система уже полностью выработалась и уже не выдерживает такой перегрузки на своём бюджете (не выдерживает такого "крена" в его, Есенина, сторону), он её оставляет, бежит, как с тонущего корабля, забирая всё самое ценное из того, что может с собой унести.

Есенин не сразу позволяет себя отселить. Иногда ещё некоторое время живёт на два дома. Зато уж прежде, чем уйти окончательно, из предыдущей своей "инкубационной системы" выгребет всё под чистую: сделает ещё пару - тройку пробоин в семейном бюджете (уж если разрушать "инкубационную капсулу", так до основания, чтобы она уже никого больше не могла выпестовать). Произведёт пару - тройку разрушений в квартире (чтобы не так обидно было покидать это место и чтобы новый "хозяин - барин" ещё не скоро в ней поселился) и только потом уже, сориентировавшись с курсом, пересаживается на другой "корабль", плывущий к тем же (или к другим) берегам, к тому же (или к другому) причалу по всё той же реке времени.

Источник

Обсудить на Социофоруме